

Руденская Юлия Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, rudenskaja@rambler.ru

РОДИТЕЛЬСКИЙ БУЛЛИНГ КАК ФАКТОР ИНТЕРАКТИВНОГО ВИКТИМОГЕНЕЗА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Дефицит родительской компетентности порождает множество вариаций патологии межличностных отношений, однако родительский буллинг как социально-психологический механизм виктимайзинга до сих пор не подвергался научному анализу. Цель статьи – раскрыть родительский буллинг как фактор интерактивного виктимогенеза личности, описать его онтологию и феноменологию. Родительский буллинг рассматривается автором в русле разрабатываемой им концепции виктимологии семьи, на основе концепции межличностной патологии семейных отношений Е. В. Руденского. Автор раскрывает детерминанты родительского буллинга, описывает последствия для развивающейся личности ребенка каждого типа родительского буллинга. А также вводит в тезаурус виктимологии семьи понятие «родительский буллинг» как вариант максимальной деструкции межличностных отношений между агентом социализации – родителем и развивающейся личностью ребенка.

Ключевые слова: буллинг, родительский буллинг, патология межличностных отношений, виктимайзер.

Rudenskaya Yulia Evgenievna

Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, rudenskaja@rambler.ru

PARENTAL BULLING AS A FACTOR OF INTERACTIVE VICTIMOGENESIS OF THE PERSONALITY

Abstract. The lack of parental competence gives rise to many variations in the pathology of interpersonal relationships, however, parental bullying as a socio-psychological mechanism of victimizing has not yet been scientifically analyzed. The purpose of this work is to reveal parental bullying as a factor in the interactive victimization of an individual, to describe its ontology and phenomenology. Parental bullying is considered by the author in line with his concept of family victimology, based on the concept of interpersonal pathology of family relations by E. V. Rudensky. The author reveals the determinants of parental bullying, describes the consequences for the child's developing personality of each type of parental bullying. He also introduces the concept of “parental bullying” into the family victimology thesaurus as a variant of maximum destruction of interpersonal relations between the socialization agent – the parent and the developing personality of the child.

Keywords: bullying, parental bullying, pathology of interpersonal relationships, victimizer.

Интенсивные социальные изменения, глобальные проблемы приводят не только к общественным кризисам и поломкам, но и деструктивно проецируются на функционирование личности. Социодинамика предъявляет высокие требования

к качеству психотехнических и функциональных компетентностей личности. Причем требования растут не только в системе профессиональных отношений, но и межличностных.

Наиболее уязвимой, на наш взгляд, является социально-психологическая роль родителя. Современный родитель находится в специфическом маргинальном положении: он пытается отрицать те воспитательные методы и приемы, которые применялись по отношению к нему, но при этом не знает, каким образом поддерживать авторитет в глазах ребенка [1]. Это создает специфическую критическую ситуацию социального функционирования личности родителя, которая, как и любая трудная жизненная ситуация, обнажает его дефициты и деформации.

В рамках социально-психологической виктимологии родитель рассматривается как агент социализации, качество личности которого определяет качество онтогенетической социализации ребенка [5]. Родитель обладает мощным социализационным потенциалом. Качество межличностных отношений в семье определяет психокультурное своеобразие личности, степень ее субъектности [6]. Однако, интенсивная и зачастую стихийная социодинамика приводит к трансформации родительской роли с социализирующей личности в провайдера деструкции социального научения.

Взаимодействия развивающейся личности и родителя как агента социализации в последнее время принимают разнообразные вариации патологии межличностных отношений. Родитель во взаимодействии с развивающейся личностью ребенка реализует собственный виктимогенный потенциал. Поэтому вариация виктимайзинга в семье зависит от степени виктимности личности родителя.

Виктимность личности родителя в контексте задач культурно-генетической интеракции порождает феномен виктимайзера. Виктимайзер – это агент социализации, действия которого «депривируют конструктивную результативность работы механизма культурного социогенеза компетентности личности и оказывают индуктивное влияние на запуск первого социально-психологического процесса социально-психологического механизма онтогенетической виктимизации личности – виктимайзинга» [9, с. 8]. Актуализация виктимайзинга в интерактивной системе семьи создает деструктивные основания для запуска виктимопрессинга, а потом и виктимотрансформинга.

Родитель-виктимайзер – виктимная личность, которая обладает дефицитами психотехнических и функциональных компетентностей. Виктимная личность родителя в силу виктимогенной тревоги перестраивает свое социальное функционирование с развития на редукцию дискомфорта.

Пространство межличностного общения ребенка и родителя-виктимайзера становится идеальным вариантом для сокрытия дефицитов психотехнических и функциональных компетентностей. В работах А. Миллер воспитательный процесс рассматривается как пространство для реализации насилия над личностью [4].

Поведение родителя-виктимайзера детерминировано рядом деструктивных потребностей:

- заставить ребенка страдать за собственные унижения как в прошлом, так и настоящем;
- перенос негативных эмоций (вытесненных в бессознательное), пережитых в детстве родителем-виктимайзером, на собственного ребенка;
- иметь доступный объект для травли и манипулирования;
- жизнь в иллюзии, что собственное детство было счастливым (подтвердить правильность родительских принципов воспитания путем их применения на собственных детях);

- отказ от свободы, которая порождает страх неизвестности;
- подавить живое начало в личности ребенка;
- отомстить за перенесенную боль [9].

Действия родителя-виктимайзера направлены на насыщение скрытых потребностей. Межличностные отношения с родителем-виктимайзером приобретают патологическую форму. Наиболее деструктивный по последствиям для развивающейся личности ребенка является родительский буллинг как форма патологии межличностных отношений.

Родительский буллинг рассматривается нами как система дисфункциональных культурно-генетических интеракций, посредством которых родитель осуществляет длительное физическое или психическое насилие по отношению к личности ребенка и формирует у последнего состояние беспомощного страдания [8].

Буллинг традиционно рассматривают как атрибут межличностных отношений в школе, способ деструктивных контактов в профессиональных коммуникациях, но фактически никто не ставит проблему родительского буллинга.

Буллинг – это агрессивные действия, направленные на причинение вреда другому. Принципиальным в буллинге является неравенство сил, социальных или физических [10].

Сущность буллинга в том, что происходит дисфункция межличностных отношений в малой группе, которая позволяет буллингу активизировать свой виктимогенный потенциал.

Интерактивная система семьи идеально подходит для реализации буллинговой стратегии для родителя-виктимайзера. Рассмотрим основные признаки буллинга в контексте межличностных отношений между родителем и ребенком.

Первый основной признак буллинга – неравенство сил агрессора и жертвы. Буллинг ассоциируют с жестким распределением власти: деструктивным способом обозначить иерархию в группе. Сама структура семьи предполагает, что родитель занимает доминирующее положение. Бесспорно, бывают инверсии, когда ребенка делают главой семьи, но это иная вариация межличностной патологии.

Родитель-виктимайзер пользуется своим доминирующим положением и подвергает личность ребенка ежедневному террору. Ребенок не может полноценно противостоять родителю, даже в подростковом возрасте. Психологические, экономические и социальные позиции участников неравны. Именно поэтому не стоит путать буллинг и конфликт – это два разных социально-психологических явления. И если конфликт обладает конструктивными функциями, то буллинг родителя приводит только к ощущению беспомощности у ребенка и постоянному страданию. Ибо конструктивного выхода из таких ситуаций для ребенка нет. Конфликт можно урегулировать, объяснить возрастными задачами, буллинг возникает для компенсации виктимности личности родителя, его стремления скрыть собственное беспомощное страдание.

Второй признак – повторяемость насилия. Родитель и ребенок находятся в едином интерактивном пространстве. Поэтому тиражировать ситуации нападок, насмешек не составляет для родителя труда. И если в ситуации школьного буллинга можно сменить школу, район, то сменить семью невозможно.

Важный момент рассогласования фасадного поведения родителя-виктимайзера, который может в социальных ситуациях проявлять себя как заботливый, вовлеченный в жизнь ребенка человек. О таких семьях говорят «психологически благополучная семья», так как качество межличностных отношений за закрытыми дверьми

может существенно отличаться от фасадного [7]. Это загоняет ребенка в тупиковую ситуацию, пожаловаться на родителя он не может или не смеет. Причем драматизм ситуации поддерживается культурным мифом, что родитель делает все возможное для ребенка и во имя его блага. Здесь мы можем наблюдать феномен родительского газлайтинга, когда родитель уверяет, что его видение ситуации верное, что он не называет и издевается, а воспитывает.

Третий признак – острая эмоциональная реакция жертвы. В рамках социально-психологической виктимологии личности мы говорим о беспомощном страдании развивающейся личности ребенка. «Беспомощное страдание – деструктивный, разрушающий целостность и гармонию психической организации личности психологический механизм интрапсихической виктимизации личности, приводящей не только к дефициту основных психотехнических и функциональных компетентностей, но и выпадению целого ряда психических функций, приводящей к состоянию личной виктимности» [8, с. 99].

Беспомощное страдание создает эмоциональный барьер в работе интерактивного культурогенеза. Взаимодействие с родителем больше не несет культууроформирующей и социализирующей функции, оно становится виктимогенным. Каждый акт взаимодействия травмирует ребенка все сильнее. Неизбежным становится поиск ребенком путей психологической защиты, которые приводят конструктивное развитие в состояние стагнации.

Таким образом, родительский буллинг успешно маскируется воспитательными целями. Родитель-виктимайзер мотивирует свое поведение высшими целями и побуждениями (исправить дефекты в поведении ребенка, поддержать дисциплину, воспитать сильную личность и т. д.).

К основным формам буллинга относят: поведенческую, физическую, вербальную и кибербуллинг [3]. Рассмотрим данные формы буллинга в контексте патологии межличностных отношений между родителем и ребенком.

Поведенческая травля включает в себя бойкоты, изоляцию, игнорирование и пр. Общее во всех формах – это лишение ребенка эмоционального и психологического контакта с родителем или всей семьей. Поведенческая травля позиционируется родителем-виктимайзером как воспитательная стратегия, хотя по психологической сущности – это самый разрушающий паттерн родительского поведения. Контакт с родителем имеет важное значение для развивающейся личности ребенка, это уверенность, что тебя поддержат, примут, защитят. Лишаясь контакта, ребенок оказывается выброшенным из интерактивного пространства семьи.

Психологические последствия для развивающейся личности ребенка применения поведенческой травли в интерактивной системе семьи представлены следующими деструктивными новообразованиями в личности ребенка:

- эскапические реакции в ситуациях конфликтов и споров;
- сложность в понимании собственных потребностей и желаний;
- склонность угождать другим и подстраиваться под них;
- дефицит самооценки;
- дефицит доверия.

Следующая форма родительского буллинга – физическая. Классическими формами *физической травли* являются: пинки, удары, шлепки, толчки, щипания и др. В российской традиции долго существовала практика физического наказания в семье. Побои за непослушание, плохую успеваемость рассматривались как норма. Смена воспитательных парадигм приводит к постепенному отказу от этой страте-

гии. Но существуют родители, которые глубоко убеждены, что без применения физического насилия невозможно поддержать дисциплину в семье. Они рассматривают физические наказания как способ поддержания собственной власти.

Психологические последствия для развивающейся личности ребенка применения физической травмы в интерактивной системе семьи крайне противоречивы. У одних детей формируется трусливость, замкнутость, у других – дерзость и жестокость. Общими психологическими чертами личности ребенка, который подвергся физической травме в семье, являются:

- наличие иррациональных страхов и фобий;
- неадаптивное поведение в ситуации напряжения;
- дефицит эмоциональной регуляции;
- неадекватная самооценка;
- формирование негативных черт личности (лживость, мстительность, агрессивность).

Отличие физической формы буллинга в семье от схожей вариации в школе состоит в том, что здесь априори неравны силы. Ребенок, который пробует защитить себя от физической травмы в семье, обречен, сопротивление только распаляет агрессию родителя-виктимайзера. Поэтому ребенок вынужден терпеть боль и усваивать ложные когнитивные установки. Данная форма родительской травмы легко идентифицируется окружением, поэтому опытные виктимайзеры выбирают более изощренные способы травмы, например, вербальный буллинг.

Вербальный буллинг – это словесные издевательства или запугивания родителем-виктимайзером личности ребенка, которые выражаются в постоянных насмешках, подколах, неуважительных комментариях и даже проклятиях. Поводом для вербального буллинга может быть любой проступок, оплошность, а иногда сам факт существования ребенка.

Родитель-виктимайзер обвиняет ребенка в том, что он спровоцировал его на такое поведение. Ребенок отчаянно пытается понять, что сделал не так, пробует скорректировать свое поведение, чтобы укрыться от вербальной травмы. В более тяжелых случаях к травле присоединяются остальные члены семьи. Ребенок становится «козлом отпущения» в семье.

Реализация вербальной травмы может быть открытой и скрытой. Открытая вербальная травля предполагает использование оскорбления, насмешек, вербальной дискриминации, претензий, хамства. В качестве примера можно привести фразы: «Ты испортил мне всю жизнь. Если бы не ты, то я...», «Лучше бы я сделала аборт!» и др. Родитель-виктимайзер нападает напрямую, не скрывает своего негативного отношения к личности-ребенка.

Типичная ситуация родительского буллинга – насмешки. Родитель может высмеять ребенка, его внешность или черту личности, а потом искренне удивиться: «Ты что обиделся, я же любя?!» И ребенок оказывается замкнут в виктимогенном диссонансе: родитель любит меня, но родитель делает мне больно. Частым решением диссонанса является иррациональная установка ребенка «Я заслужил» или «Я плохой».

Скрытая вербальная травля проявляется в тактиках чрезмерного контроля, перебивания, игнорирования вопросов ребенка и пр. Это ситуации, когда родитель-виктимайзер не транслирует напрямую своего негативного отношения к личности ребенка. Примерами данных тактик являются ситуации, когда родитель заставляет ребенка отчитываться о том, с кем он общается, как проводит время, игнорирует его запросы и просьбы.

Психологические последствия для развивающейся личности ребенка применения вербальной травли в интерактивной системе семьи представлены следующими деструктивными новообразованиями в личности ребенка:

- замкнутость (сужение интерактивного пространства);
- обращение к неконструктивным способам эмоционального насыщения;
- склонность к аддиктивной компенсации собственной виктимности;
- недоверие к людям;
- сложности с установлением и поддержанием дружеских и иных близких отношений;
- алекситимия.

Кибербуллинг – деструктивная инновация, используемая в виртуальном пространстве. Данная форма наиболее распространена среди подростков. Однако родитель-виктимайзер также может использовать виртуальное пространство для травли ребенка. К этим случаям мы относим выкладывание семейного контента, который не предназначен для третьих лиц. Например, неудачные фотографии, дискредитирующие личность ребенка, видео, фрагменты аудиосообщений.

Статья 152.1 ГК РФ гласит «Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина» [2]. И если взрослый может активно оспорить свои права, когда без его одобрения выкладывается фото или видео, то ребенок попадает под зависимость от воли родителя.

Чтобы провести границу между родителем, который гордится своим ребенком и выкладывает информацию в виртуальное пространство о нем, и виктимайзером, мы должны понимать качество данного контента. Родитель-виктимайзер откровенно пытается дискредитировать личность, высмеять, получить удовольствие от того, как реагируют виртуальные зрители на данное фото или видео. В этих действиях нет любви и гордости, а только собственные эгоистические потребности.

Психологические последствия для развивающейся личности ребенка применения кибербуллинга в интерактивной системе семьи представлены следующими деструктивными новообразованиями в личности ребенка:

- смешанность чувств (с одной стороны, ребенок зол, что его выставили в неприглядном виде, но, с другой стороны, родитель его убеждает, что в этом нет ничего страшного);
- дефицит автономности;
- нарушенные границы;
- деструктивные способы психологической адаптации.

Родитель-виктимайзер может использовать несколько форм травли, умело сочетая их для получения необходимого эмоционального насыщения. Принципиальным моментом является тот факт, что родитель-виктимайзер использует интерактивное пространство семьи для компенсации собственной виктимной сущности. Родительский буллинг как форма психологического насилия блокирует конструктивные процессы развития личности ребенка, создает деструктивные основания для следующих виктимогенных процессов.

Таким образом, нами предпринята попытка интерпретировать родительский буллинг как патологию межличностных отношений в интерактивной системе семьи. Мы описали феноменологию родительского буллинга, его место в структуре интерактивного виктимогенеза и раскрыли деструктивный потенциал данного воспита-

тельного паттерна. Бесспорно, анализ данной формы деструкции межличностных отношений необходимо продолжать, что позволит более грамотно осуществлять психолого-педагогическую работу с развивающейся личностью ребенка и разорвать порочный круг – «жертва порождает новую жертву».

Список литературы

1. Волохова В. И. «Неадекватное» родительство или ловушки родительской любви [Электронный ресурс] // СМАЛЬТА. 2019. № 4. С. 5–9. URL: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/3675/1/neadekvatnoe-roditelstvo-ili-lov.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 152.1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/14c6c3902cffa17ab26d330b2fd4fae28e5cd059/ (дата обращения: 15.09.2020).
3. Кошенова М. И. Нескромное обаяние насилия: в жанре научного эссе [Электронный ресурс] // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1. URL: <http://rem.esrae.ru/24-252> (дата обращения: 01.10.2020).
4. Миллер А. Воспитание, насилие, покаяние. М.: НФ «Класс», 2013. 296 с.
5. Руденская Ю. Е. Коммуникативная ситуация виктимогенеза личности ребенка: опыт феноменологического анализа [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 167–172. URL: <http://sp-journal.ru/article/1331> (дата обращения: 25.09.2020).
6. Руденская Ю. Е. Патологизирующее виктимное воспитание как проблема социально-психологической виктимологии личности // Развитие человека в современном мире: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 16–18 апреля 2013 г.) / под ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. С. 279–281.
7. Руденская Ю. Е. Факторы онтогенетической виктимизации личности в интерактивной системе семьи [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 180–184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-ontogeneticheskoy-viktimizatsii-lichnosti-v-interaktivnoy-sisteme-semi> (дата обращения: 25.09.2020).
8. Руденский Е. В. Виктимология детства и виктимология семьи: концептуализация новых разделов социально-психологической виктимологии личности [Электронный ресурс] // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2018. № 3. URL: <http://rem.esrae.ru/20-221> (дата обращения: 25.09.2020).
9. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Виктимайзер как концепт виктимологической концепции ювенальной девиантологии [Электронный ресурс] // Академия образования Великобритании. 2019. № 2 (28). С. 6–16. URL: http://victimolab.ru/wp-content/uploads/2019/04/UK-Zhurnal-2019-2_28_1_-stranitsy-1-2_6-16.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
10. Olweus D. Bullying at school: what we know what we can do. New York, Wiley-Black-well Publ., 1993. 135 p.

Дата поступления статьи 02.10.2020

